

На правах рукописи

Руденкин Василий Николаевич

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ:
СУБЪЕКТНОЕ И СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ.**

23.00.02 – Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы
и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Екатеринбург
2002

Работа выполнена на кафедре социально-политических наук факультета политологии и социологии Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Г. Г. Водолазов;

доктор политических наук,
профессор И. М. Модель;

доктор социологических наук,
профессор В. Т. Шапко.

Ведущая организация:

Уральская академия
государственной службы

Защита состоится 7 мая 2002 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора политических наук в Уральском государственном университете имени А. М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Б. Б. Багиров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Опыт десятков стран мира убедительно свидетельствует о том, что надежные гарантии прав и свобод человека можно создать только обоюдными усилиями демократического правового государства и развитого гражданского общества. Будучи сферой автономной, творческой самореализации индивидов, гражданское общество в своих взаимоотношениях с государством способно прибегать к использованию различных стратегий – от жесткой конфронтации до прагматичного партнерства. Однако во всех случаях оно стремится заставить государство быть максимально полезным своим гражданам, ответственно служить их интересам. Чем более зрелым становится гражданское общество, тем успешнее оно решает эту непростую задачу. Именно в этом смысле принято говорить о гражданском обществе как фундаменте демократического правового государства.

Однако гражданское общество – это феномен исторический. Прежде чем достичь своих развитых форм и добиться серьезных успехов в деле обеспечения гарантий прав и свобод людей, оно прошло долгий и непростой путь. Это был путь постепенного «отвоевывания» им у некогда всемогущего государства определенного социального пространства, в пределах которого могла бы беспрепятственно реализовываться человеческая инициатива. Всякий, даже самый незначительный успех на этом пути знаменовал собой расширение такого пространства. Каждая историческая эпоха задает предельные масштабы этого пространства человеческой свободы, формулирует свой идеал гражданского общества и создает соответствующие предпосылки для его практической реализации. Поэтому мы вправе говорить не только о разнообразии его исторических форм, но и о различной степени практического воплощения каждой из них в той или иной стране.

Особую актуальность проблематика гражданского общества имеет в посткоммунистических странах, которые в силу целого ряда причин вынуждены в исторически короткие сроки осуществлять беспрецедентные по своим масштабам социальные преобразования. К числу таких стран принадлежит и Россия. Не имея в своей истории сколько-нибудь продолжительного опыта жизни в условиях политической демократии, устойчивых традиций гражданского участия, Россия сталкивается сегодня с большими трудностями в деле формирования гражданского общества.

Практика последнего десятилетия показала бесперспективность механического заимствования и перенесения на российскую почву многих социальных институтов и практик, хорошо зарекомендовавших себя в других странах. Попадая в непривычный для себя социокультурный контекст, эти институты и практики демонстрируют весьма низкую эффективность, а нередко дают результаты, обратные ожидаемым. Этот вывод в полной мере относится и к попыткам построить в России гражданское общество по «лекалам» развитых стран.

Опыт стран вторичной модернизации показывает: «эталонных» форм гражданского общества не существует, необходимо искать синтез чужого опыта и собственной традиции. Весьма распространенное в российских политических и научных кругах мнение о якобы несовместимости отечественной социокультурной матрицы с идеалами и практиками гражданского общества выглядит недостаточно обоснованным. И дело не только в том, что оно противоречит реальным историческим фактам, но и в том, что служит теоретическим обоснованием для двух также весьма небесспорных выводов: либо в России *в принципе* невозможно построить гражданское общество, либо все-таки можно, но исключительно по «лекалам» развитых стран. Вот почему столь важно не только проанализировать опыт в строительстве гражданского общества, накопленный как развитыми, так и развивающимися странами, но и рассмотреть перипетии его становления и функционирования на различных этапах российской истории. И то, и другое позволят реалистичнее оценить не только актуальное состояние гражданского общества в современной России, но и его дальнейшие перспективы.

Объект исследования – процесс становления гражданского общества в России на различных этапах ее истории.

Предмет исследования – взаимосвязь субъектного и структурного измерений гражданского общества в России в условиях политической трансформации.

Степень разработанности проблемы. Проблема гражданского общества вот уже несколько веков привлекает внимание ученых. Наибольший вклад в ее разработку внесли мыслители Нового времени (Г. Гегель, Т. Гоббс, Т. Джефферсон, И. Кант, Дж. Локк, К. Маркс, Дж. Ст. Милль, Ш.-Л. Монтескье, Дж. Мэдисон, Т. Пейн, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спиноза, А. де Токвиль и др.). Они обосновали целый ряд идей, ставших важными составными частями формировавшейся концепции гражданского общества: идею свободы личности как гражданина общества, независимого от государства; идею права как гаранта человеческой свободы; идею неразрывной связи гражданского общества и правового государства; представление о гражданском обществе как сфере деятельности различных общественных институтов; положение о диалектическом единстве гражданских и политических свобод.

Сущность, структура и функции гражданского общества рассматриваются в работах зарубежных (А. Аг, П. Андерсон, А. Арато, З. Бауман, Х. Булл, Э. Геллнер, Дж. Коэн, А. Селс, Ю. Хабермас, Й. Шапиро, Ф. Шмиттер и др.) и отечественных (Т. А. Алексеева, Г. И. Вайнштейн, В. В. Витюк, А. Г. Володин, А. В. Гайда, К. С. Гаджиев, А. А. Галкин, З. Т. Голенкова, В. Е. Гулиев, Г. Г. Дилигенский, А. Ф. Зотов, Б. Г. Капустин, Б. И. Коваль, А. П. Кочетков, И. И. Кравченко, Ю. А. Красин, И. Б. Левин, А. И. Соловьев, К. Г. Холодковский, В. Г. Хорос и др.) ученых. Расходясь иногда в оценке тех или иных деталей, авторы едины в главном – в понимании гражданского общества как совокупности автономных от государства социальных отношений, институтов и ассоциаций, создаваемых свободными и ответственными индивидами

для защиты своих интересов. Указанные авторы выделяют два основных измерения гражданского общества – структурное и субъектное, делая акцент на том или ином из них (или на том и другом одновременно).

Неоднозначно оценивают специалисты перспективы институционализации гражданского общества в странах вторичной модернизации (преимущественно в «незападных» социокультурных регионах). Если в недавнем прошлом такие перспективы оценивались достаточно скептически, то в последнее время заметно стремление ученых уйти от трактовки гражданского общества как феномена исключительно западной цивилизации и рассматривать его как закономерный продукт общемирового процесса перехода от традиционного общества к современному. В работах Л. Алаева, Ю. И. Визгуновой, Т. Е. Ворожейкиной, А. В. Загорского, А. Б. Зубова, Р. А. Латыпова, Н. Рогожиной и др. представлен как раз такой методологический подход, в соответствии с которым акцент делается на выявлении специфики гражданского общества в странах первичной и вторичной модернизации.

В контексте общеметодологических аспектов нашего исследования большой интерес представляют работы зарубежных (Г. Алмонд, С. Верба, Дж. Коулман, Т. Парсонс, Р. Патнэм, Ю. Хабермас) и отечественных (С. Ю. Барсукова, З. А. Грунт, О. Е. Кузина, А. С. Мадатов, Л. С. Мамут, М. И. Новинская, Т. Н. Самсонова, Л. В. Сморгунов, А. И. Щербинин и др.) ученых, в которых рассматриваются проблемы формирования гражданина и гражданственности, гражданской культуры, политического и общественного участия, социального капитала, «сетевого мира», городских и сельских комьюнити.

В последние годы заметно возрос интерес ученых к проблеме гражданского общества в России на различных этапах ее истории. Анализу различных аспектов становления гражданского общества в дореволюционной России посвящены работы Н. И. Бирюкова, Дж. Бредли, Ю. В. Гридчина, Б. Н. Земцова, Г. Зимона, Г. Л. Кертмана, М. М. Ковалевой, Т. В. Коротаевой, С. А. Ланцова, Л. Люкса, А. М. Миграняна, Б. Н. Миронова, Л. И. Новиковой, А. В. Оболонского, Ю. С. Пивоварова, Л. В. Полякова, Г. Х. Попова, В. М. Сергеева, А. М. Соловьевой, А. К. Сорокина, А. Д. Степанского, А. И. Фурсова, О. А. Хасбулатовой, А. И. Черных, М. А. Чешкова, Ю. Шишкова, Н. Г. Щербининой, Н. Я. Эйдельмана, И. Г. Яковенко, А. Янова.

Важным теоретическим источником представлений о субъектном измерении гражданского общества в дореволюционной России стали для нас работы классиков отечественной философии – Н. А. Бердяева, А. И. Герцена, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, П. А. Сорокина, Г. П. Федотова, С. Л. Франка, П. Я. Чаадаева, Б. Н. Чичерина. В своих произведениях русские мыслители показали, что в нашей истории наличествовали различные, подчас противоположные социокультурные традиции, сформировавшие противоречивый менталитет россиян и обусловившие противоречивый характер самого гражданского общества.

В контексте поставленных в работе задач нам важно было проанализировать состояние гражданского общества в советский период – тем более что

среди специалистов по-прежнему преобладает мнение о невозможности существования гражданского общества в условиях тоталитарного режима. Вместе с тем, в последнее время появился ряд работ, авторы которых пытаются уйти от прежних упрощенных подходов и показать, что даже в самых неблагоприятных политических условиях гражданское общество способно выжить и сохранить значительный потенциал автономности. Появились интересные работы, посвященные исследованию советской политической культуры, помогающие существенно углубить представления о гражданском обществе в этот период отечественной истории. В этом плане для нас большой интерес представляли работы Р. Г. Апресяна, И. Ачильдиева, Б. Б. Багирова, Э. Я. Баталова, Н. И. Бирюкова, Ю. Р. Вишневого, Г. Г. Водолазова, В. В. Волкова, Л. А. Гордона, Д. В. Гудименко, А. А. Гусейнова, В. П. Данилова, Г. Г. Дилигенского, Ю. А. Ермакова, М. П. Капустина, Э. Карра, Э. В. Клопова, Л. Н. Когана, И. М. Клямкина, Ю. А. Левады, Р. Р. Максудова, В. М. Межуева, Г. И. Мирского, Э. Ю. Соловьева, В. С. Степина, М. Г. Флямера, В. Т. Шапко.

Общетеоретические аспекты политической трансформации (ее сущность, типы, этапы, движущие силы, закономерности, отличительные особенности) подробно проанализированы в работах Д. Аптера, К. фон Бойме, Р. Даля, Р. Дарендорфа, К. Дойча, С. Липсета, Д. Пауэлла, Л. Пая, Д. Растоу, А. Турена, С. Хантингтона, С. Эйзенштадта, Ч. Ф. Эндрейна и др. Особенности политической трансформации в современной России и их влияние на процессы становления гражданского общества раскрыты в работах Г. А. Аванесовой, В. А. Ачкасова, Г. И. Вайнштейна, М. Н. Вшивцевой, В. Я. Гельмана, Т. И. Заславской, Ю. К. Князева, А. В. Лукина, Е. Ю. Мелешкиной, А. Ю. Мельвиля, Д. А. Миронова, В. В. Согрина, О. Г. Харитоновой.

При характеристике субъектного измерения гражданского общества в современной России нам важно было привлечь конкретно-социологический материал, иллюстрирующий актуальное состояние и динамику изменений массового сознания и политической культуры россиян. В контексте работы наибольший интерес представляли для нас такие индикаторы, как отношение россиян к власти и праву, к свободе и равенству, к политическим и общественным организациям, степень готовности к солидарным действиям во имя отстаивания своих интересов. Все эти вопросы регулярно обсуждаются на страницах научной периодики. В своей работе мы использовали данные социологических опросов ВЦИОМ, Фонда «Общественное мнение», Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИ-СиНП), а также работы российских социологов, в которых раскрываются указанные выше индикаторы – Л. А. Беляевой, М. К. Горшкова, Е. В. Грунт, Г. Г. Дилигенского, В. В. Лапкина, Ю. А. Левады, А. В. Меренкова, В. И. Пантина, В. В. Петухова, В. Г. Попова, Н. М. Римашевской, Н. Е. Тихоновой, М. А. Шабановой, В. А. Ядова.

Достаточно подробно (хотя и не в одинаковой степени) в научной литературе освещены различные сегменты и институты формирующегося в современной России гражданского общества. Наиболее подробно проанализирова-

ны деятельность, отличительные признаки и перспективы политических партий (Г. В. Голосов, Дж. Т. Ишияма, А. Н. Кулик, В. В. Лапаева, А. В. Лихтенштейн, С. Н. Пшизова, К. Г. Холодковский, В. Е. Чиркин, Ю. Шевченко), общественных организаций самого разного профиля – от правозащитных до благотворительных (Е. В. Белокурова, И. Е. Городецкая, М. Кляйнеберг, А. Ю. Сунгуров, О. Н. Яницкий), системы социального партнерства (А. А. Крыжановская, И. Маслова, Б. С. Модель, И. М. Модель, Ю. Ольсевич, В. В. Песчанский, Г. В. Рогова, В. Г. Рупец, И. С. Семененко, Г. Ю. Семигин), корпоративного сектора (А. Ю. Зудин, А. А. Галкин, С. П. Перегудов).

Несмотря на заметно возросший интерес к проблемам становления гражданского общества в современной России, в названной выше литературе практически отсутствуют работы, в которых была бы предпринята попытка рассмотреть становление гражданского общества в России как *исторический процесс*; выявить специфику различных этапов его эволюции; рассмотреть каждый из них в единстве его субъектного и структурного измерений. Недооценка или игнорирование этих обстоятельств оборачивается неизбежными упрощениями методологического характера как в оценке актуального состояния гражданского общества в России, так и в определении перспектив его дальнейшей эволюции. Вот почему автор избрал в своей работе иной методологический подход, суть которого заключается в соблюдении принципов комплексности и историзма.

Цель исследования – раскрыть сущность и особенности становления гражданского общества в России как исторического процесса в единстве его субъектного и структурного измерений.

Задачи исследования:

- определение методологических принципов исследования гражданского общества;
- анализ сущности, структуры и исторических форм гражданского общества, выявление специфических особенностей каждой из них;
- обоснование необходимости рассмотрения гражданского общества в рамках любой исторической формы в единстве его субъектного и структурного измерений;
- выявление особенностей становления и функционирования гражданского общества в странах вторичной модернизации;
- рассмотрение реальных процессов становления институциональных структур гражданского общества в дореволюционной России, а также наиболее характерных черт культуры и психологии россиян, стимулировавших или тормозивших становление таких структур;
- определение характера взаимоотношений между государством и гражданским обществом на различных этапах советского периода, выявление способов и механизмов защиты гражданского общества от попыток государства поставить его под свой полный контроль;
- выявление особенностей политической трансформации и их влияния на процессы становления гражданского общества в современной России;

- анализ произошедших за последнее десятилетие в России изменений в сфере общественного сознания и их воздействия на становление институциональных структур гражданского общества;
- оценка реального состояния существующих сегодня в России институциональных структур гражданского общества и определение перспектив их дальнейшей эволюции.

Методологические основы исследования. В своей работе автор руководствовался ключевыми принципами теорий современности и структуризации Э. Гидденса, теории социального становления П. Штомпки и концепций габитуса и социального поля П. Бурдьё. В этих теориях получили обоснование такие важные с точки зрения поставленных в диссертации задач методологические принципы, как положение о дуальности структуры; о габитусе как посреднике между субъектами и структурами, а также между прошлым, настоящим и будущим; стратификационная модель действующей личности; представление об обществе как агентно-структурной реальности, результате социальных изменений, складывающихся из слияния потенциальных возможностей субъектов и структур и реализации (развертывания) этих возможностей в разнообразных видах социальной практики. Эти методологические положения подвели автора к мысли о необходимости и целесообразности комплексного анализа гражданского общества в России единстве его субъектного и структурного измерений.

При решении поставленных задач автор использовал также социологический подход (в частности, для выявления причинно-следственных зависимостей между уровнем экономического развития, типом социальной структуры и степенью зрелости гражданского общества), культурологический подход (при рассмотрении взаимообусловленности ресурсов социальных субъектов и потенций институциональных структур), а также компаративный (сравнительный) подход (при выявлении общего и особенного в процессах становления гражданского общества в странах вторичной модернизации, в различных посткоммунистических странах, а также в самой России на различных этапах ее исторического развития).

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной литературе предпринята попытка проанализировать становление гражданского общества в России как исторический процесс, выявить специфику его основных этапов, каждый из которых рассматривается в единстве его субъектного и структурного измерений.

Основные результаты исследования, определяющие его научную значимость и выносимые на защиту:

1. Гражданское общество есть «принципиально незавершенная» (открытая) система, состав элементов которой, степень их значимости и способ взаимоотношений между которыми исторически конкретны. Вот почему при оценке состояния гражданского общества в той или иной стране необходимо определить, какая именно его историческая форма реализуется в данное время. В процессе эволюции гражданского общества можно выделить три его

исторических формы (античную, средневековую и современную), каждая из которых является отражением предельных возможностей эпохи в предоставлении условий для реализации его субъектного и структурного измерений.

2. Смена эпох и соответствующих им исторических форм гражданского общества обусловлена количественным и качественным ростом потребностей человека. Вследствие этого реализация потенциала одной исторической формы гражданского общества создает предпосылки для перехода к другой. Современное гражданское общество проходит в своем развитии три этапа, которые отличаются друг от друга по степени диверсифицированности его институциональной структуры, по типу гражданственности и по тому, какая именно его «ипостась» (экономическая, политическая или социокультурная) играет в нем ведущую роль.

3. Гражданское общество в истории России развивалось крайне неравномерно. Его оживление и расцвет приходились на эпохи либерализации политического режима, а наибольшие потери оно несло в эпохи политической реакции. В этом проявляется его исключительная зависимость от государства, по воле которого потенциал общественной инициативы и самодеятельности мог быть востребован, а мог быть, наоборот, надежно «заблокирован». Однако сам факт, что любая, даже весьма ограниченная либерализация политического режима неизменно оборачивалась в российской истории незамедлительным ростом социальной самодеятельности и гражданского участия, убедительно свидетельствует о противоречивости российского менталитета, сочетающего в себе традиции подданничества и гражданственности.

4. Диалектика субъектного и структурного измерений гражданского общества в истории России проявлялась прежде всего в том, что в периоды политической реакции они как бы «отделялись» друг от друга: структуры становились «бессубъектными», а субъекты лишались материальной основы для реализации своей гражданской активности – и потому вынуждены были прибегать к созданию неформальных институтов. В их рамках не только реализовывалась потребность в неформальном общении, но и стремление к неподконтрольным властям совместным действиям. Благодаря такой способности субъектов сохранять гражданские идеалы и ценности, собственно, и становилось возможным – в последующие периоды относительной политической либерализации режима – довольно быстрое обретение «квазигражданскими» структурами своей субъектности, а, следовательно, и возрождение самого гражданского общества.

5. Официальные советские общественные организации не являлись в строгом смысле слова «квазигражданскими» структурами. Побочным (иногда – прямым) эффектом их деятельности являлось воспроизводство подлинно гражданских качеств, выражение и защита интересов различных групп и отдельных индивидов, интеграция общества, социальный контроль за соблюдением его членами норм общечеловеческой морали. Иными словами, эти организации выполняли многие функции «нормальных» институтов граждан-

ского общества, а потому видеть в них только «приводные ремни» тоталитарного государства – значит, сильно упрощать реальную картину.

6. За годы посткоммунистической трансформации в России возникло гражданское общество переходного типа, отличительными признаками которого являются: наложение друг на друга институциональных структур, типов менталитета, механизмов и практик, характерных для различных исторических этапов его эволюции; неполнота реализации потенциала институциональных структур гражданского общества; высокий уровень внутренней конфликтности; сочетание политизированности и аполитичности; «неадекватность» его социальной основы. Переходный характер гражданского общества в современной России – во многом следствие его становления в условиях продолжающейся политической трансформации.

7. Ни в одной стране мира гражданское общество не возникало стихийно, но везде – при участии государства. Для России особенно актуален опыт стран вторичной модернизации, свидетельствующий о том, что целенаправленное стремление политической элиты и государства в целом содействовать становлению гражданского общества открывает хорошие перспективы для его институционализации. В истории же России ее политическая элита, как правило, оказывалась неспособной успешно осуществить процесс «эмансипации» гражданского общества от государства. Нынешняя российская политическая элита пока действует в основном в русле этой исторической традиции, что и создает большие трудности в становлении в нашей стране зрелого гражданского общества.

8. Анализ культурно-исторического опыта России и современной практики позволяет предположить, что наибольшие перспективы для институционализации в нашей стране имеет гражданское общество, сочетающее элементы и механизмы двух его современных разновидностей (моделей) – «коммунитарной» (основанной на приоритете ценностей коллективизма, равенства, социальной справедливости) и «корпоративной» (для которой характерна особая роль политической и экономической элит, а также государства в целом).

Научно-практическая значимость исследования. Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве теоретического и методологического инструментария при рассмотрении различных аспектов проблемы гражданского общества, при выявлении тех его структур и механизмов, которые имеют наибольшие шансы найти практическую реализацию в России. Материалы и выводы диссертации могут оказаться полезными работникам государственных и муниципальных органов власти, а также руководителям и активистам общественных организаций. Материалы диссертации могут найти применение в учебном процессе в средних и высших учебных заведениях при разработке учебных курсов и спецкурсов по политологии, социологии, истории.

Апробация работы. Основные результаты исследования нашли отражение в монографии «Гражданское общество в России: история и современ-

ность» (11,3 п. л.), а также в ряде учебных пособий, научных статей и тезисов. Концептуальные идеи диссертации обсуждались на научных конференциях в Тюмени (1986), Москве (1984, 1987), Ижевске (1989), Челябинске (1991), Екатеринбурге (1993, 1994, 1996, 1998, 1999, 2000, 2001), Берлине (1998), Бад-Урахе (ФРГ, 1999). Основные положения и идеи диссертации используются автором при чтении учебных курсов «Политика и культура» и «Политическая психология», спецкурсов «Гражданское общество: идея и социальная реальность» и «Политическая модернизация» для студентов и магистрантов факультета политологии и социологии УрГУ. Диссертация обсуждалась на кафедре социально-политических наук и кафедре истории политических учений факультета политологии и социологии УрГУ и была рекомендована к защите.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей 381 наименование. Содержание работы изложено на 330 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени ее разработанности, определяются цели и задачи исследования, а также его методологические основы, представляется научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава **«Гражданское общество: методологические проблемы исследования»** посвящена рассмотрению вопросов методологического характера, имеющих очень важное значение для понимания процессов становления гражданского общества в России. В первом параграфе **«Методологические принципы исследования гражданского общества»** автор обращает внимание на необходимость преодоления существующей в ряде теоретических концепций односторонности в интерпретации социально-политических реалий и находящей свое выражение либо в абсолютизации роли политических институтов и недооценке роли субъектов, либо, наоборот, в абсолютизации роли субъектов и недооценке роли политических институтов. В ситуации «поздней современности» возникла настоятельная необходимость в создании такой теории, которая позволила бы преодолеть традиционную дихотомию объективного и субъективного, структуры и индивида, «исследовала бы эффект возникновения *самоорганизующегося политического порядка* из неопределенности политики *конкретных* институтов, партий, движений, возможной дезорганизации некоторых из них, а также потенциальной непредсказуемости деятельности *конкретного* политического агента».¹ Наиболее значительными прорывами в этом направлении стали теории современности и структуризации Э. Гидденса, концепции габитуса и социального поля П. Бурдьё, теория социального становления П. Штомпки.

---

¹ Ашин Г. К., Лозанский Э. Д., Кравченко С. А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М.: Экзамен, 2001. С. 193.

По мнению Э. Гидденса, характер «высокой (или “поздней”) современности» определяют три основные черты: 1) невероятно возросшая скорость изменения всех социальных процессов; 2) глобальность пространства, на котором происходят эти изменения; 3) появление новых, нетрадиционных акторов «постмеждународной» политики, свидетельствующее о неприятии многими индивидами определенных фрагментов существующего социального порядка. Гражданское общество в условиях «высокой современности» – это широкая система социальных институтов, организаций и движений, обладающих мощным преобразующим потенциалом, с помощью которого они преодолевают узкие рамки и политический диктат национальных государств.

Концепция «высокой современности» не сводится только к макротенденциям; она органично включает в себя *микротенденции* – анализ происходящих под влиянием институтов современности внутриличностных трансформаций и диспозиций свободного, активно действующего человека, в свою очередь, оказывающего обратное воздействие на происходящие политические процессы. «Поздняя современность» вынуждает индивида стремиться обосновать новые образцы жизнедеятельности («новые формы жизненной политики»), которые способствовали бы его максимальной самореализации в контексте новых глобальных взаимозависимостей.

Принципиальное значение для нашей работы имеет положение теории структуризации Э. Гидденса о структуре как образце социальных отношений, существующем в пространственно-временном измерении и предполагающем соответствующее поведение субъектов. Такое понимание структуры позволяет рассматривать ее как определенную совокупность социальных практик, действующих в тот или иной момент времени в определенном социокультурном пространстве.

Эти идеи близки положениям теории П. Штомпки о структурах как межсубъектных сетях, не сводимых к сумме деятелей-субъектов; о существовании различных форм независимой динамики структур; об относительной самостоятельности и независимости действий субъектов от динамики социального контекста, составляющими которого они являются; о «слиянии» структур и субъектов в реальной действительности в единый социальный мир человека. В этом же логическом поле находятся и идеи П. Бурдье о взаимосвязанности и иерархической соподчиненности субъектов и структур, о задаваемых последними «рамках», в которых субъекты осуществляют свои практики, воспроизводя или трансформируя их.

Эти теоретические положения позволяют сформулировать другой важный методологический принцип нашей работы: при рассмотрении гражданского общества как в историческом, так и в актуальном планах необходимо исходить из того, что его субъекты и структуры неразрывно связаны друг с другом, хотя и обладают определенной автономией. Это означает, что становление субъектов гражданского общества всегда происходит в задаваемых структурами границах, которые, однако, могут меняться в процессе реализации субъектами своих повседневных практик. В свою очередь, субъекты

гражданского общества – это не ментальные «слежки» его структур, но активные деятели, творчески преобразующие импульсы внешней среды и способные оказывать на нее обратное трансформирующее воздействие.

При рассмотрении процессов становления гражданского общества в России важно учитывать то обстоятельство, что действия субъектов не только объективно детерминированы внешней средой и их габитусом, но и далеко не во всех случаях являются рационально мотивированными. Принимая во внимание ту роль, которую в действиях субъектов играет бессознательная мотивация, следует признать, что ни в одной стране мира гражданское общество не может быть продуктом практического осуществления какого-либо *заранее продуманного* проекта. Гражданское общество в любой стране формируется под воздействием большого количества факторов, на пересечении различных социокультурных традиций. Наиболее важным при определении актуального состояния гражданского общества и перспектив его становления в России представляется анализ потенциала его институциональных структур; «диагностика» габитуса субъектов, их деятельностного потенциала (ценностных ориентаций, убеждений, поведенческих установок) и определение возможностей реального воздействия на институциональные структуры; выявление возможных вариантов и результатов взаимодействия («слияния») субъектов и структур в различных видах социальных практик.

При оценке состояния и перспектив эволюции гражданского общества в современной России мы будем руководствоваться методологическим положением теории структуризации о существовании двух уровней социальной реальности и двух способов ее существования. Это положение предполагает рассмотрение каждого из уровней социальной реальности (структурного и субъектного), а также каждого из способов (модусов) ее существования: как *потенциальную возможность* (например, выявление внутренних тенденций, деятельностного потенциала, «зародышей будущего», присущих структурам и субъектам) и как *действительность* (реальное состояние социума, особенности политической трансформации, преобладающие ценностные ориентации и поведенческие установки, полнота практической реализации деятельностного потенциала субъектов и структур).

Принципиальное значение в контексте поставленных в диссертации исследовательских задач имеет еще одно методологическое положение теории структуризации – о слиянии структур и агентов, о невозможности существования «бесструктурных агентов» или «безагентных структур», с одной стороны, и о «нерастворяемости» структур в агентах и «непоглощаемости» агентов структурами, – с другой стороны. Иначе говоря, структуры и агенты (субъекты) обладают известной автономией и независимостью друг от друга, а порождаемые ими социальные практики часто оказываются весьма устойчивыми, подпадая под действие принципов инерции, континуальности и последовательности.

Это положение позволяет глубже понять специфику существующих в современной России институциональных структур гражданского общества и

реализуемых ими социальных практик. Новые институциональные структуры гражданского общества (те же партии или профсоюзы) в трансформируемых социумах часто оказываются малофункциональными (а то и дисфункциональными) вследствие инерции прежних представлений субъектов, сложившихся на предыдущем этапе (положение П. Бурдьё о том, что габитус отличается инерцией предрасположенностей к определенным жизненным практикам). Потенциал этих структур реализуется крайне недостаточно не в последнюю очередь потому, что субъекты не только не обладают соответствующими практическими навыками политического и гражданского участия, но зачастую имеют весьма смутное представление о своих правах и возможностях.

Практика политической трансформации посткоммунистических стран, в том числе и России, показывает, насколько опасным является разрыв между макро- и микросоциальными практиками в процессе реформирования общества и создания новых институциональных структур. Огромный потенциал последних не реализуется (или реализуется крайне недостаточно) в значительной степени потому, что политическая элита явно недооценивает роль габитуса своих граждан, их предрасположенность к микросоциальным практикам, сформировавшимся в иных исторических условиях и потому оказывающим тормозящее воздействие на институционализацию новых макросоциальных практик и структур.

Во втором параграфе **«Сущность, структура и исторические формы гражданского общества»** дается характеристика существующих в современной науке определений гражданского общества, а также анализ исторического процесса его становления. Диссертант солидаризируется с теми учеными, которые рассматривают гражданское общество как *особую сферу социума*, противостоящую государству и одновременно неразрывно связанную с ним множеством форм взаимодействий; занимая как бы промежуточное положение между личностью и государством, гражданское общество выполняет функцию интеграции («сцепления») общественных и частных интересов.

Все многообразие точек зрения, представленных в рамках такого подхода, укладывается в рамки двух дихотомий – «государственное – негосударственное» и «общественное – частное». В соответствии с ними ученые выделяют три трактовки гражданского общества: а) как внегосударственной общественной реальности (совокупности независимых общественных институтов и организаций), противостоящей государству; б) как частной сферы жизни людей (совокупности индивидов, групп, организаций), отличной от государственной и общественной сфер; в) как общественной (публичной) сферы, опосредующей отношения между частной сферой (поведением конкретных индивидуальностей) и государством.¹

---

¹ См.: Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть II. Теоретико-методологические аспекты исследования. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. С. 29.

Сторонники рассмотрения гражданского общества как особой сферы социума, противостоящей государству и в то же время неразрывно связанной с ним, исходят из необходимости учета исторического контекста, в котором происходит его становление и функционирование. Фактически именно исторический контекст задает параметры исторической формы гражданского общества – т. е. общества, *потенциально возможного* в рамках существующего уровня развития социума. Историческая форма гражданского общества выступает, таким образом, *конкретизацией* его идеальной модели (понимаемой как высшая цель и ступень общественного развития) и *обобщением* многообразия конкретно-исторических вариантов существования гражданского общества в различных странах.¹

Для двух первых исторических форм гражданского общества – *античной и средневековой* – были характерны синкретизм политической и общественной сфер, доминирование общественного (государственного) начала над индивидуальным, изначальная заданность социального статуса индивида. В этих условиях практически отсутствовали условия для возникновения автономного от государства социального пространства, в котором индивид по собственному выбору определял бы свои жизненные цели и находил бы соответствующие средства их достижения. Вместе с тем, в период средневековья постепенно складываются предпосылки для появления свободной личности, происходит повышение ценности человека, усиление автономии общества от государства.

Становление третьей (*современной*) исторической формы гражданского общества происходит в эпоху промышленной модернизации и перехода к капитализму. Эта третья историческая форма гражданского общества проходит в своем развитии три этапа, отражающих специфику его субъектов и структур, а также характер его отношений с государством. На *первом этапе* гражданское общество становится сферой реализации частных интересов людей, и именно в этой сфере оно преимущественно и реализует свой потенциал. Это был период существования «классов в себе», еще не осознавших своих интересов и поэтому не готовых к солидарным действиям. Это общество еще не располагало сколько-нибудь существенными рычагами воздействия на государство и оставалось преимущественно деполитизированным образованием.

Второй этап эволюции современного гражданского общества формируется в период становления системы демократического капитализма (XIX – 70–80-е годы XX вв.). Это был период пробуждения классового самосознания и обретения соответствующей идентичности широкими слоями населения, а также их активной борьбы за свои политические и гражданские права. В этот период происходит существенное усложнение структуры гражданского общества и развертывание потенциала его ключевого компонента – свободной и ответственной личности. Все более существенную роль в рамках этого эта-

---

¹ См.: Одинцова А. В. Гражданское общество: прошлое, настоящее и будущее // Социально-политические науки. 1991. № 12.

па начинают играть политические партии, общественные движения и ассоциации: их борьба за политические и гражданские права широких слоев населения постепенно привела к демократизации государства, к расширению социального пространства свободной самореализации индивидов. Вот почему, на наш взгляд, именно политическую «ипостась» гражданского общества можно назвать наиболее важной в рамках этого этапа его эволюции.

Не менее значимые изменения произошли в характере взаимоотношений основных структур гражданского общества: произошло заметное ослабление напряженности в межгрупповых отношениях. Красноречивой материализацией всех этих изменений стала созданная после окончания второй мировой войны система социального партнерства между предпринимателями и наемными работниками, принципы которой с течением времени были распространены и на отношения между другими институтами гражданского общества. По мере количественного и качественного роста человеческих потребностей происходило становление не только экономической, но также политической, социальной и социокультурной инфраструктур гражданского общества, обретение ими своих современных, развитых форм.

Наконец, в наиболее развитых странах мира в последние два – три десятилетия гражданское общество претерпевает столь значительные изменения, что это дает основания говорить о его переходе к *третьему этапу* своей эволюции. Облик гражданского общества все в большей степени начинает определять его социокультурная «ипостась», представленная самыми разнообразными по профилю и характеру действий социальными и социокультурными ассоциациями. Гражданское общество становится своего рода «испытательным полигоном» для самых разнообразных ценностей, норм, стилей и образов жизни, общественных проектов и практик; происходит усиление взаимозависимости государства и гражданского общества. Именно на этом этапе гражданское общество обретает наиболее зрелые формы, а его институциональная структура становится как бы самодостаточной, включая в себя ассоциации, представляющие все сферы социума и адекватно отражающие систему потребностей совокупного человека.

Важнейшим методологическим положением диссертации является идея неразрывного единства субъектного и структурного измерений гражданского общества в рамках любой его исторической формы. Структурное измерение представлено различными гражданскими организациями (институтами), которые участвуют в формировании социального пространства и его ценностно-нормативных основ. В ходе исторической эволюции современного гражданского общества происходило не только усложнение его институциональной структуры и изменение ее внутренней конфигурации, но и качественное преобразование самих гражданских институтов.

Формирование ключевой фигуры современного гражданского общества – свободного и ответственного гражданина (равно как и становление его институциональных структур) представляет собой исторический процесс, каждая стадия которого знаменовала собой важный шаг на пути обретения инди-

видами новых прав и свобод, а также практических навыков политического и общественного участия. В рамках первого этапа эволюции современного гражданского общества происходит своеобразное «рождение» гражданина – последний начинает сознавать себя носителем неотчуждаемых прав и свобод, членом определенного политического сообщества, которое должно стать их гарантом. Наиболее актуальными для основной массы граждан на этом этапе являются их социально-экономические права. Кроме того, большинство граждан занимает преимущественно «зрительскую» позицию по отношению к государству, и их основные усилия направляются прежде всего в русло борьбы за свои материальные интересы. Однако постепенное освобождение граждан из-под власти подданнической ментальности, тем не менее, происходит и закладывает тем самым почву для последующего перенесения гражданских ориентаций на государство и институты самого гражданского общества.

В рамках второго этапа эволюции современного гражданского общества гражданин – это уже человек, сознающий необходимость и проявляющий готовность *активно участвовать* в политической и общественной жизни, рассматривающий подобное участие как гарантию реализации своих прав и свобод. Появлению такого гражданина способствовали не только институциональные, но и культурные и социально-психологические предпосылки (формирование у людей убежденности в том, что наилучшим способом защиты своих интересов являются их *совместные действия*). Собственно, различные формы активности именно такого гражданина и способствовали обретению гражданским обществом своих развитых форм.

В рамках же третьего этапа эволюции современного гражданского общества происходит диверсификация форм реализации гражданской активности, направленных на еще большую социализацию государства и превращение его в институт, обслуживающий общество. Закономерным результатом такой активности становится, с одной стороны, возрастание ответственности государства за благосостояние своих граждан; с другой стороны, возрастание ответственности самих граждан как за качество исполнения государством своих функций, так и за реализацию собственных автономных инициатив. Отнюдь не случайно поэтому в наиболее развитых странах широкое распространение получили коммунитарные идеи и практики, целью которых является синтез свободы и ответственности индивида, преодоление угрозы социального эгоизма и атомизации.

В третьем параграфе **«Особенности становления и функционирования гражданского общества в странах вторичной модернизации»** дается краткая характеристика двух типов модернизации – «первичной» («органической») и «вторичной» («неорганической», «отраженной», «догоняющей»). Первая характерна для развитых стран Запада, в которых модернизация осуществлялась преимущественно эволюционным путем на собственной социокультурной основе. Вторая характерна для стран, в силу различных причин запоздавших в освоении институтов и практик «модерна» и вынужденных ориентироваться в той или иной степени на опыт более развитых стран. Пер-

вичная модернизации была *эндогенной* по своему характеру (т. е. осуществляемой на собственной основе), вторичная модернизация – *эндогенно-экзогенной* (осуществляемой как на собственной основе, так и на основе заимствований чужого опыта) или *экзогенной* (осуществляемой на основе заимствований при отсутствии собственных основ). По мнению диссертанта, модернизацию в России можно охарактеризовать как вторичную, эндогенно-экзогенного типа.

Одной из важнейших задач вторичной модернизации, от решения которой непосредственно зависят перспективы становления гражданского общества, является поэтапная демократизация стран, в которых длительное время существовали авторитарные или даже тоталитарные политические режимы. Этапы демократизации этих стран в «сжатом» виде воспроизводят логику становления в них современного гражданского общества. На *этапе либерализации* происходит легитимизация институтов и принципов гражданского общества, апробация новых форм и механизмов его взаимоотношений с государством; идет процесс кристаллизации структур гражданского общества. На *этапе демократизации* происходит заметный рост политической и общественной активности населения, а само гражданское общество обретает достаточно зрелые формы и превращается во влиятельного агента политических и социальных преобразований. На *этапе консолидации* отношения между государством и гражданским обществом эволюционируют в направлении закрепления и «рутинизации» возникших на предыдущих этапах механизмов взаимодействия, институционализации практики социального партнерства в широком значении этого слова.

Процессы кристаллизации гражданского общества в странах вторичной модернизации резко ускорились во второй половине XX в. под воздействием как внешних, так и внутренних факторов: под их воздействием на Востоке и в странах Латинской Америки возник мощный импульс к изменению принципов взаимоотношений государства и гражданского общества. В повестку дня этих стран встала задача ликвидации монополии государства на выражение и представительство общественных интересов.

Процесс «демонополизации» государства – это фактически и есть процесс эмансипации гражданского общества и его превращения в самостоятельную величину. Важнейшей особенностью этого процесса в указанных странах является то, что «первичные» социальные общности (семьи, общины, кланы, землячества) не исчезают в ходе модернизации, а продолжают сосуществовать со «вторичными» общностями (партиями, профсоюзами, неправительственными организациями), образуя переходные (гибридные, симбиозные) формы социальности. «Первичные» социальные общности преобладают в странах с традиционной культурой и вполне успешно компенсируют деятельность не всегда влиятельных «вторичных» групп.

«Неевропейские» страны в процессе модернизации действительно вынуждены были ориентироваться на западные образцы гражданского общества, которые, попадая в иной социокультурный контекст, оказывали модифици-

рующее влияние на глубоко традиционалистские основы этих стран и сами, в свою очередь, подвергались существенной модификации под влиянием этих основ. Но самое, пожалуй, главное – то, что становление гражданского общества в странах вторичной модернизации происходит при сохранении их *базовых ценностей* – приоритета государственного начала, иерархичности, стремления к гармонии, патернализма, коллективизма, ориентации на подчинение личности группе и т. д. Разумеется, ценности эти не остаются «застывшими» и в той или иной степени модернизируются. Гражданское общество в странах вторичной модернизации оказывается, с одной стороны, своего рода ее «побочным» результатом, а с другой стороны – неперенным условием успешности ее осуществления. Практика показывает, что наибольших успехов в решении задач вторичной модернизации сумели добиться те страны, в которых она осуществлялась на эндогенно-экзогенной основе.

Характерной особенностью вторичной модернизации является ее нелинейный (а потому зачастую крайне противоречивый) характер. Это находит свое выражение в противоборстве сторонников и противников назревших преобразований, в отсутствии эффективных каналов и механизмов согласования групповых интересов, культуры компромиссного урегулирования групповых конфликтов, в непоследовательности принимаемых управленческих решений. В процессе вторичной модернизации происходит как бы взаимоналожение задач различных этапов становления современного гражданского общества, что обуславливает крайнюю неравномерность институционализации его структур.

Опыт стран вторичной модернизации показывает, что многие институциональные структуры гражданского общества нельзя создать без вмешательства (или, по меньшей мере, без помощи) государства. Оказывая поддержку таким структурам, государство тем самым придает импульс процессу становления гражданского общества. Конечно, подобная заинтересованность государства в укреплении структур гражданского общества далеко не всегда является результатом осознанного стремления политической элиты к установлению с ним действительно равноправных, цивилизованных отношений. Нередко она становится вынужденной уступкой и проявлением политического прагматизма. Верно и то, что в ряде стран вторичной модернизации становление отдельных структур гражданского общества происходило не благодаря, а *вопреки государству*: эти структуры становились неожиданным «побочным» эффектом его «запретительской» политики.

Учитывая особенности социокультурных традиций и исключительную роль государства в процессах кристаллизации гражданского общества в странах вторичной модернизации, а также его реальное состояние в этих странах, есть серьезные основания полагать, что наибольшие перспективы в них имеют две разновидности гражданского общества – «коммунитарное» и «корпоративное». Обе они так или иначе восходят к социал-демократической традиции в подходе к гражданскому обществу. «Коммунитарное» гражданское общество основано преимущественно на признании легитимности коллек-

тивных ценностей и общественных движений, ориентированных на достижение справедливости и равенства, социального благосостояния и гражданского мира. «Корпоративное» гражданское общество ориентировано преимущественно на представление всеобщих интересов общественных и частных корпораций, каждая из которых вырабатывает и поддерживает собственный нормативно-правовой кодекс. Для такого общества характерна система политического патронажа, особая роль политической и экономической элит, а также государства в целом.¹ Разумеется, между «коммунитарной» и «корпоративной» разновидностями гражданского общества существует множество переходных или промежуточных форм, одна из которых и может быть реализована (или уже реализуется) в современной России.

Во второй главе **«Гражданское общество в дореволюционной России»** автор обращается к краткому экскурсу в отечественную историю с целью определить те факторы, которые способствовали либо, наоборот, препятствовали зарождению и кристаллизации в России институтов гражданского общества, а также становлению адекватного им социального субъекта. Если в Киевскую эпоху на Руси имелись не менее благоприятные по сравнению с Западом условия и предпосылки для развития личной и политической свободы, то позднее, со времен оформления и укрепления централизованного государства и его постепенного развития в монархию абсолютистского типа (конец XV – первая половина XVI вв.) пути России и Запада начинают все больше расходиться. Если Запад ориентируется на развитие капитализма, ограничение всевластия государства, создание автономных от него общественных организаций, выражающих интересы различных групп, то в России строительство империи сопровождалось, наоборот, усилением государства и еще большей несвободой граждан. Попытки периодически догнать Запад в экономическом и военном плане в этом отношении ничего не меняли: инициатором и проводником реформ в России всегда выступала центральная власть, стремившаяся укрепить не столько общество, сколько само государство. Ситуацию усугублял сложившийся еще в петровскую эпоху беспрецедентно глубокий культурный раскол российского общества на «господский» и «мужицкий» миры.

Фактически только с реформ Александра II в России начинается процесс становления современного гражданского общества, его исторически первого этапа. Во второй половине XIX века в России формируется новый тип промышленных отношений: появляются первые союзы работодателей и профсоюзы, делающие первые шаги на пути достижения согласия в ходе цивилизованных правовых процедур. Либерализации российского общества, формированию институциональных условий гражданского общества способствовали освобождение крестьян, военная реформа, демократизация сферы образования, отмена жесткой предварительной цензуры, но в особенности – земская

---

¹ См.: Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации... С. 229; Шапиро Й. Демократия и гражданское общество // Политические исследования. 1992. № 4. С. 25–27.

и судебная реформы. Несмотря на непоследовательность в их идеологии и практическом осуществлении, они объективно работали на продвижение России к освоению новых форм и моделей социального бытия.

Все эти инициативы государства довольно быстро нашли отклик в обществе. Возникают общественные организации различного профиля, деятельность которых объективно способствовала преодолению гражданской пассивности людей, обретению ими чувства гражданского долга и практических навыков участия в общественной жизни. Не менее значимым с точки зрения перспектив становления в России гражданского общества результатом реформ Александра II было то, что они способствовали бурному экономическому росту в стране, увеличению численности городского населения, ускорили процесс формирования слоя промышленных рабочих и массового среднего класса.

Новый толчок формированию гражданского общества дала революция 1905–1907 гг. – как с точки зрения количественного роста гражданских институтов, так и в плане их качественного уровня. Сам факт их появления свидетельствовал о возросшей общественной активности различных групп населения, стремившихся к непосредственному участию в политической и общественной жизни, добивавшихся от властей институционализации такого участия. В целом опыт дореволюционной России свидетельствует об исключительно важной роли государства как в ускорении, так и в торможении процесса становления гражданского общества. К сожалению, роль эта редко когда была позитивной: реальный исторический прогресс производительных сил неизменно сопровождался подавлением личной свободы и еще большим отчуждением народа от власти. Главную опасность своему существованию правящие круги всегда усматривали изнутри, в собственном народе, а потому всячески старались нейтрализовать его политическую и общественную инициативу. Даже реформы 1860-х годов не смогли кардинально изменить ситуацию и придать необратимый характер движению России к демократии и гражданскому обществу. Словно пугаясь собственной смелости, государство часто «гасило» те ростки общественной самодеятельности, которые становились следствием его же собственных реформ.

Все это, однако, не дает повода для утверждений о будто бы полной несовместимости российской культурно-исторической традиции с принципами гражданского общества и о его якобы фактическом отсутствии в дореволюционной России. Реальные факты свидетельствуют о том, что в российской истории наличествовала не одна только консервативно-охранительная, авторитарная традиция, исключавшая или подавлявшая общественную самодеятельность; наряду с ней действовала и другая, хотя и гораздо менее выраженная, традиция индивидуальной свободы, общественной самодеятельности и гражданского участия. Сам факт, что самодержавная власть вынуждена была порой идти на уступки перед лицом нарастающего «снизу» народного протеста, свидетельствует о существовании в матрице нашей культуры традиции свободолюбия и гражданственности.

Конечно, в нашей истории влияние этой традиции было несравненно меньшим по сравнению с влиянием «инстинкта государственного могущества» (Н. А. Бердяев), но это отнюдь не означает, что оно отсутствовало вовсе. Русские философы характеризовали Россию как страну «безграничной свободы духа» (Н. А. Бердяев) и бытовой свободы (Г. П. Федотов); говорили о непроявленности, потенциальности русского народа, сохраненности в нем огромных, непочатых сил, о его способности сказать миру свое оригинальное слово (П. Я. Чаадаев); отмечали медленное, но неудержимое угасание в народной душе идеала «царя-батюшки» как полновластного хозяина русского народа и приход на смену этому идеалу смутной, но острой тоски по народо-власти, самоопределению и общественной автономии (С. Л. Франк) и т. д. Словом, всплески гражданской активности в периоды относительной либерализации политического режима происходили отнюдь не на пустом месте. Причем по мере продвижения России по пути капиталистического развития и роста общеобразовательного и культурного уровня населения происходило медленное, но закономерное укрепление позиций гражданского общества, усиление действия «инстинкта свободолюбия».

Опыт нашей дореволюционной истории свидетельствует об исключительной ответственности политической элиты за отставание России от динамично развивавшихся стран Запада (в том числе и по части строительства гражданского общества). Дефицит прагматизма вкупе с затаенным страхом перед «мужицким» бунтом порождали удивительную близорукость элиты, ее упорное нежелание идти на диалог с обществом. Вынужденные же уступки власти часто оказывались запоздалыми, а потому не приносили желаемого эффекта. Усматривая в зарождавшихся структурах гражданского общества едва ли не легальный источник смуты, подрывающий сами устои государственности, власть изначально относилась к ним как к чему-то временному и ненужному, стремилась если не ликвидировать их, то максимально урезать их полномочия. Такая неконструктивная позиция государства бумерангом возвращалась к нему в виде столь же неконструктивной позиции ряда гражданских институтов. Наконец, дореволюционный опыт свидетельствует о том, что, сколь бы значительны ни были преобразования, инициируемые государством, к каким бы положительным результатам они ни приводили, без широкой общественной поддержки они всегда будут находиться под угрозой свертывания.

В третьей главе **«Гражданское общество в СССР»** автор подвергает критике широко распространенный в научной литературе тезис о якобы полной несовместимости гражданского общества с природой тоталитарного государства. Подобные утверждения представляют собой типичную технократическую утопию. Как справедливо подчеркивают в этой связи российские ученые А. А. Игнатьев и Б. В. Михайлов, «тоталитаризм как идеальный тип политического режима далеко не совпадал с реальными “практиками власти” ни по эффективности созданных им институтов социального контроля, ни даже по амбициям господствующей партийной элиты. Еще при жизни Ста-

лина господствующая партийная элита вынуждена была опираться на какие-то неформальные структуры лидерства... и признавать их (пусть ограниченную) автономию от институтов государственной власти».¹

Конечно, из этого вовсе не следует, что субъекты и структуры гражданского общества в советский период располагали широкими возможностями для проявления своей активности. Напротив, начавшиеся зарождаться в до-революционной России институты и практики современного гражданского общества в советский период оказались отчасти уничтоженными, отчасти – политически «заблокированными». Существовавшая в советский период система посредничества между обществом и государством состояла преимущественно из прямых контактов индивидов и корпораций с государством.

Однако степень «поглощенности» гражданского общества государством была неодинаковой на различных этапах советской истории. Наибольшие потери гражданское общество понесло в период военного коммунизма и сталинизма, в периоды же НЭПа, хрущевской «оттепели», брежневского «застоя» и особенно горбачевской «перестройки» происходило его заметное оживление. Это было связано прежде всего с политическими факторами, со стремлением государства в одних случаях полностью подчинить себе общество, в других – предоставить ему определенную автономию в тех областях жизни, которые не представляли прямой угрозы правящему режиму. Как бы то ни было, любая, даже весьма ограниченная либерализация режима неизменно оборачивалась актуализацией потенциала политически «заблокированного» гражданского общества. Такой «пульсирующий» характер взаимоотношений между государством и гражданским обществом свидетельствует о том, что даже в самых политически неблагоприятных условиях гражданское общество сумело сохранить немалый потенциал автономности. Причем важную роль в этом сыграли официальные советские общественные организации, немало сделавшие для выражения и защиты интересов людей, для развития в них подлинно гражданских качеств.

Что касается субъектного измерения гражданского общества, то здесь картина еще менее однозначна. На всех этапах советской истории мы можем обнаружить не только тех, кто ощущал себя бесправным подданным и ревностно служил режиму, но и тех, кто прямо или косвенно отвергал его и пытался ему противостоять. Часто критикуя представителей советской «номенклатуры», не следует все же забывать о том, что многие партийные и советские работники, руководители и активисты общественных организаций искренне и бескорыстно выполняли свою работу, демонстрируя образцы подлинной гражданственности, заботу о людях. Было немало и тех, кто сознательно, нередко с риском для жизни и свободы, вставал в непримиримую или «отрицательную» оппозицию правящему режиму, или тех, кто просто талантливо и добросовестно делал свою работу.

---

¹ Игнатъев А. А., Михайлов Б. В. Гражданское общество и перспективы демократии в России // Гражданское общество и перспективы демократии в России. /Под ред. Б. В. Михайлова. М., 1994. С. 6.

Утверждения о якобы полном отсутствии в советский период альтернативных государству общественных институтов, как правило, основываются на том, что под этими институтами понимаются аналоги гражданских структур, существующих в развитых странах Запада. При этом не принимается во внимание тот факт, что даже официальные советские общественные организации выполняли некоторые важные функции, аналогичные тем, которые выполняют «нормальные» институты гражданского общества. Кроме того, в СССР (как и в других социалистических странах) существовали *неофициальные институты*, которые мы вправе рассматривать как структуры (или проструктуры) гражданского общества (например, клиентелистские связи, культура андеграунда, различные неинституционализированные образования наподобие «дружеского круга» или соседских «комьюнити»), создававшие неподконтрольное государству социальное пространство.

Эти институты, конечно, не были полностью автономными, однако представляли собой структуры именно *гражданского общества*, которые возникали не в связи с деятельностью государства, а помимо его, в неподконтрольном ему пространстве. В рамках этих структур реализовывалась не только потребность в неформальном общении, но и стремление к неподконтрольным властям совместным действиям. В большинстве своем эти ассоциации были неформальными, действовали в виде своеобразного «клуба по интересам», а отношения между его членами строились на принципах взаимного доверия и взаимопомощи. Подобные ассоциации и культивируемые ими ценности и практики составляли как бы «параллельное» официально существовавшему обществу – общество, которое сумело сохранить в себе немалый потенциал самодеятельности и гражданственности. Именно этот потенциал и был в значительной степени востребован в период перестройки и постперестройки.

В четвертой главе **«Гражданское общество в современной России»** анализируются реальные процессы становления субъектов и структур гражданского общества в современной России в условиях политической трансформации. В первом параграфе **«Особенности политической трансформации в современной России»** автор показывает, что осуществление политической трансформации явилось жестким императивом для всех посткоммунистических стран. Особое внимание обращается на важную роль в этом процессе постсоветской элиты, ментальные и поведенческие установки которой оказали негативное воздействие на характер новых политических и гражданских институтов. В результате политической трансформации в России возникла система власти, формально соответствующая критериям электоральной демократии, но фактически неподконтрольная обществу. Институционализации именно такой системы власти во многом способствовала стратегия экономических реформ, в основе которой лежали идеи «Вашингтонского консенсуса», а также радикальный антикоммунизм.

Результатом экономических реформ стали колоссальная имущественная поляризация населения и фактическое разрушение прежней (государственной) системы социального обеспечения. В рамках возникшей в результате

трансформации политической системы пока так и не сложились эффективные каналы взаимодействия между государством и обществом, что крайне негативно сказывается на перспективах институционализации гражданского общества. Политические и правовые предпосылки активизации гражданской активности во многом блокируются и не реализуются вследствие крайне тяжелого экономического положения миллионов россиян.

За годы реформ в стране так и не был создан массовый слой малого и среднего бизнеса, и это несмотря на то, что именно эту задачу авторы реформ рассматривали как приоритетную, необходимостью ее скорейшего решения оправдывали форсирование темпов приватизации и часто сомнительные методы в ее проведении. Однако преднамеренно или по неосведомленности из состава среднего класса исключались те слои населения, которых в развитых странах принято называть «новыми средними». Вместо этого ставка была сделана на «традиционные» (или «старые») средние слои, объединяющие мелких и средних частных собственников. Однако, даже несмотря на декларированную властями решимость всемерно содействовать скорейшему становлению в России многочисленного слоя мелких и средних предпринимателей, его положение трудно назвать благополучным.

В результате политической трансформации последнего десятилетия в России сложился режим «делегативной демократии», для которого характерно глубокое противоречие между официально декларированными принципами (процедурами) и реально существующим порядком (общепринятыми «правилами игры»). Однако, несмотря на формальный во многом характер российской демократии, это именно *демократический* политический режим, несмотря на бросающееся в глаза несовершенство его институтов и механизмов. Вряд ли есть серьезные основания говорить о «завершенности» политической трансформации в России и о невозможности дальнейшей демократизации сложившегося политического режима, его перехода к стадии консолидации. Подтверждением подобного предположения могут служить реальные процессы последних нескольких лет. В стране заметно стабилизировалась внутривластная обстановка, стали налаживаться конструктивные отношения между ветвями власти, между центром и субъектами федерации. В направлении политической стабилизации действуют и относительное спокойствие в обществе, и приобретенный за предшествующие годы опыт разочарований, научивший людей не ждать от власти слишком многого. Важнейшими задачами нового этапа политической трансформации российского общества являются: деbüroкратизация и демонополизация экономики; реформа доходов населения; реальная борьба с коррупцией и устойчивый экономический рост; выстраивание цивилизованной системы социально-трудовых отношений; идейно-политическая консолидация общества; содействие партийному строительству и развитию местного самоуправления; преодоление правового нигилизма; помощь государства в становлении полноценного сектора НКО.

Словом, можно сказать, что в результате политической трансформации в стране сложились несовершенные, не всегда эффективно действующие, но

все же содержащие в себе определенные функционально конструктивные элементы *экономические предпосылки* гражданского общества: реальностью стало многообразие форм собственности, возник и имеет немалый потенциал роста частный сектор экономики; появился реальный выбор товаров и услуг; результатом трансформации экономической системы стало формирование новой системы социально-трудовых отношений. Либерализация экономики во многом способствовала появлению нового типа экономического поведения, чертами которого являются рационализм, прагматизм, инициативность, предприимчивость, стремление к коллективным (солидарным) действиям во имя защиты групповых интересов.

Другим важным результатом политической трансформации стало появление в стране *политических предпосылок* гражданского общества: реальностью стали политический и идеологический плюрализм; многопартийность; свобода мысли и слова, свобода деятельности общественных объединений; право на получение, передачу и распространение информации и т. д. Разумеется, все эти права и свободы реализуются вовсе не автоматически, однако граждане все активнее пользуются ими: за короткий срок в стране возникли тысячи общественных, самостоятельных объединений, профсоюзы, религиозные, экологические, женские, правозащитные организации. Очевидно, что ценности и принципы гражданского общества постепенно проникают в самую ткань социума и способствуют его обновлению. Такие конституционные принципы и механизмы, как разделение властей, выборы, лоббизм, социальное партнерство, местное самоуправление, корпоратизм открывают немалые возможности для отстаивания гражданами и различными «заинтересованными группами» своих интересов с помощью «соучастия» в процессе выработки и реализации политических решений. И хотя механизмы эти пока несовершенны, все же они объективно способствуют росту заинтересованности институтов гражданского общества в проявлении большей социальной активности.

Во втором параграфе **«Субъектное измерение гражданского общества в современной России»** автор пытается выяснить, какими были наиболее типичные социальные представления россиян на начальном этапе трансформации постсоветского общества и как они менялись в последующие годы; какой образ окружающих индивида обстоятельств получил наиболее широкое распространение в нашей стране; насколько россияне ощущают собственные возможности воздействия на эти обстоятельства; в какой мере они готовы действовать совместно с другими людьми во имя достижения общих целей; насколько велика их уверенность в том, что, действуя подобным образом, можно эффективно решать собственные проблемы? Ответы на эти вопросы позволяют взглянуть как бы «изнутри» на перспективы становления гражданского общества в современной России, оценить качество того исходного «человеческого материала», из которого, собственно, и складывается субъектная «ткань» гражданского общества.

Анализируя социологические данные, автор отмечает, что сложившийся в ходе истории государственно-патерналистский комплекс тормозит утверждение в российском обществе модели протестного поведения, направленного на изменение существующих обстоятельств; состояние хронической неудовлетворенности и недовольства жизнью сохраняется по большей части на «настроенческом» уровне и редко когда перерастает в сознательные и планомерные *протестные действия*. Трудно оценить однозначно такую ценностную позицию россиян. С одной стороны, «настроенческое» недовольство, общественная апатия сыграли важную роль социального стабилизатора. С другой стороны, такая пассивность россиян оказалась объективно на руку политической элите, бесконтрольность которой при разработке и проведении реформ обернулась тяжелыми социальными последствиями. Принудить элиту к принятию более взвешенных политических решений не удалось прежде всего вследствие слабости гражданского общества, в частности, тех его структур, которые призваны артикулировать энергетику общественного недовольства и направлять ее в русло конструктивных действий по оспариванию как самой стратегии реформ, так и конкретных управленческих решений.

Сложившееся исторически отношение россиян к *свободе* как к «воле» широко распространено и в современной России. Наша ментальность по-прежнему весьма трудно осваивает постулат о неразрывной связи свободы и ответственности. Особенно трудно ей дается понимание «позитивной свободы», в рамках которой индивид добровольно и сознательно принимает на себя социокультурные ограничители вседозволенности, демонстрирует готовность активно участвовать в делах общества. Весьма специфично понимают россияне и *демократию*. По данным социологических исследований конца 80-х – начала 90-х годов, большинство россиян изначально связывало ценности демократии не столько с политическими свободами, сколько с материальным благополучием. Именно убежденность в способности демократического государства обеспечить экономическое процветание страны делала миллионы людей ценностными приверженцами демократии. Такое понимание демократии таило в себе серьезную опасность, ибо ставило отношение людей к новому политическому режиму в прямую зависимость от его способности быстро и без серьезных социальных издержек добиться коренного улучшения экономической ситуации. И как только общество в процессе реформ столкнулось с экономическими и социальными тяготами, наступило массовое разочарование в демократии. Вместе с тем, неудовлетворенность реальными результатами демократизации вовсе не тождественна разочарованию в демократическом идеале как таковом.

Однако за годы реформ произошло заметное ослабление патерналистских настроений и установок, появляется все большее количество людей, достаточно трезво оценивающих ситуацию и уже не рассчитывающих на то, что государство решит их проблемы, предпочитающих занимать более самостоятельную позицию. Все большее число россиян ориентируется на собственные

силы, перестает видеть в государстве гаранта своего материального благополучия. В то же время россияне по-прежнему демонстрируют весьма скромную готовность к объединению с другими людьми с целью совместного решения каких-либо актуальных для них проблем, не придают большого значения ни формированию независимых от государства общественных ассоциаций и объединений, ни становлению местного самоуправления: лишь немногие считают, что деятельность подобных организаций может обеспечить учет интересов граждан и оказать реальное воздействие на власть.

Свою негативную роль продолжает играть и такой фактор, как и *низкий уровень взаимного доверия*. Издержки трансформационных процессов вынуждают россиян прибегать к использованию стратегии «адаптационного» индивидуализма, увеличивают психологическую дистанцию между ними, тормозят выработку установки на социальную солидарность и соответствующих навыков. Крайне противоречивым остается *отношение россиян к закону*. С одной стороны, скорейшее восстановление законности и правопорядка в стране абсолютное большинство россиян считает главным и безусловным приоритетом. С другой стороны, естественное стремление людей к стабильности и законному порядку не сопровождается пока их готовностью собственными усилиями добиваться его установления; неукоснительное соблюдение закона не стало императивом личного поведения.

Такие ментальные установки существенно тормозят становление гражданского общества, усугубляют атомизацию общества, усиливают взаимную отчужденность и подозрительность, порождают в массовых масштабах адаптационный индивидуализм. В то же время в российском обществе все большее распространение получает убеждение в необходимости повышения значимости и авторитета закона, усиления его роли как регулятора общественных отношений. Особенно важным с точки зрения перспектив становления гражданского общества в России является постепенное преодоление традиционного для российской ментальности отождествления закона и «воли начальства», укрепление уважительного отношения к праву как таковому. Повседневная практика взаимодействия с властями вырабатывает у граждан более рациональную линию поведения, ориентирует на поиск компромиссов и пересекающихся интересов в рамках существующего законодательства.

Оценивая в целом культурное и социально-психологическое состояние современного российского социума, диссертант приходит к выводу о его крайней противоречивости: с одной стороны, в общественном сознании россиян сохраняются многие элементы традиционно «подданнического» менталитета; с другой стороны, трансформационные процессы последнего десятилетия привели к заметной либерализации сознания и культуры людей, утверждению в обществе новых ценностных установок. Да, эти установки часто противоречивы, содержат в себе, наряду с либеральными принципами, традиционные для России авторитаризм, утопизм, этатизм, правовой нигилизм, а потому не могут (пока) рассматриваться как достаточные духовные предпосылки становления гражданского общества.

Важнее, однако, другое: хотя состояние общественного сознания в России пока во многом тормозит становление подлинно самостоятельных и независимых от государства структур гражданского общества, оно (состояние) в то же время свидетельствует о том, что альтернатива «демократия или авторитаризм» (тем более – «тоталитаризм») для большинства россиян потеряла свою актуальность. За прошедшее десятилетие в России сформировалось активное меньшинство, последовательно руководствующееся принципами и ценностями гражданского общества и реализующее их в своем практическом поведении. Влияние этого меньшинства на общество трудно переоценить: благодаря активности этих людей происходят не всегда заметные, но весьма значимые изменения в общественном сознании и поведении. И если многие россияне пока достаточно инертны и пассивны, они в то же время связывают свои надежды на лучшую жизнь не с возвратом в тоталитарное прошлое, а с продвижением к идеалам и практике демократии и гражданского общества.

В третьем параграфе **«Структурное измерение гражданского общества в современной России»** анализируется реальное состояние и перспективы дальнейшей эволюции возникших в стране за последнее десятилетие институциональных структур гражданского общества. Большинство российских *профсоюзов* и предпринимательских ассоциаций демонстрируют слабое понимание интересов партнера (а нередко – и своих собственных) и низкий уровень толерантности в межгрупповых отношениях. Слабость и незрелость российских профсоюзов – прямое следствие их молодости и неопытности, смутного представления о том, как следует действовать в новых условиях. В политическом отношении российские профсоюзы раздроблены; весьма скромны успехи отечественных профсоюзов и в выполнении своей общественной функции.

В то же время в деятельности российских профсоюзов можно обнаружить позитивные моменты во взаимоотношениях со всеми контрагентами – и с работодателями, и с государством, и с обществом. В отношениях с работодателями многие профсоюзы стремятся (и не всегда безуспешно) перевести отношения с работодателями в плоскость права. Есть немалые «подвижки» и в отношениях профсоюзов с государством. Часто критикуемые за популизм и бесплодность своих попыток повлиять на власть путем проведения массовых акций протеста, профсоюзы, тем не менее, добиваются с их помощью привлечения внимания власти и общественности к наиболее острым проблемам наемных работников и тем самым оказывают пусть косвенное, но реальное влияние на социально-экономическую политику.

Заметную роль в современной России играют *предпринимательские ассоциации*, хотя роль эта, разумеется, далеко не однозначна. Как известно, становление российского бизнеса происходило в условиях, далеких от правозаконности и справедливости, в результате чего в стране сложилась система бюрократически-олигархического капитализма. В рамках этой системы непропорционально большую роль играли так называемые «олигархи», занимавшиеся неприкрытым лоббированием своих интересов. Однако в послед-

ние годы наметились некоторые позитивные изменения в отношениях ассоциированного бизнеса с органами власти различных уровней: уменьшилась зависимость власти (особенно центральной) от поддержки со стороны «олигархов»; возросла заинтересованность корпораций в установлении более упорядоченных и стабильных отношений с властями; правительственные ведомства все более четко проводят в жизнь концепцию социальной ответственности бизнеса. Все это способствует постепенному становлению в России нормальной системы функционального представительства, в рамках которой открываются возможности для полноценного участия представителей малого и среднего бизнеса в выработке ключевых направлений социально-экономической политики. Есть позитивные сдвиги и в отношениях бизнеса с профсоюзами в рамках системы социального партнерства.

Диссертант отмечает также ряд причин, объясняющих слабую укорененность института *политических партий* как в массовом сознании россиян, так и в самой политической практике. Во-первых, это крайне неблагоприятный для процессов политической дифференциации социальный контекст, отсутствие социетального консенсуса по поводу базовых ценностей и принципов общественного устройства страны. Все это существенно ограничивает возможности осознания людьми своих групповых интересов, социальной и политической идентичности, во многом дезориентирует их в политическом пространстве. Во-вторых, в России отсутствует «нормальный» (т. е. ясный и понятный людям) политический рынок. В соответствии с самой конституционной конструкцией ни президентские, ни парламентские выборы у нас не означают, что общество делает заказ на определенный политический курс; люди часто просто не в состоянии понять, какая именно политическая сила несет ответственность за действия правительства. Как результат – девальвация ценности самих выборов и участвующих в них партий. Вместе с тем, по мнению диссертанта, было бы преждевременно делать вывод о том, что время «партийной демократии» для России уже прошло: несмотря на скептическое отношение россиян к существующим в стране партиям, последние выполняют ряд важных функций института гражданского общества.

Наиболее диверсифицированную группу структур гражданского общества в современной России представляют различные *некоммерческие организации (НКО)*. В зависимости от вида деятельности все НКО можно разделить на две большие группы. *К первой группе* относятся организации, защищающие интересы отдельных слоев населения (такие организации называют «проблемно-ориентированными») – добровольные объединения граждан, специализирующиеся на «социальном сервисе», группы самоподдержки, территориальные, спортивные, молодежные, женские и ряд других организаций. Большую работу в социальной сфере проводят несколько десятков постоянно присутствующих в России отделений *благотворительных организаций* других стран. Постепенно возрождается находившаяся длительное время под запретом церковная благотворительность. Положительным моментом в деятельности благотворительных НКО является их постепенное движение в глубь Рос-

сии, от столиц к провинции. Очень важную роль играют *женские организации*, занимающиеся преимущественно вопросами образования, семьи, детства, оказанием информационных и консультационных услуг, поддержкой женского предпринимательства, защитой гражданских прав. *Организации инвалидов, детей, военнослужащих, молодежи* также ориентированы на решение наиболее острых социальных проблем.

Ко второй группе относятся организации, решающие проблемы общегражданского характера (прежде всего это экологические и правозащитные организации). *Экологические организации* специализируются на различных видах деятельности – от научной до правовой, используя при этом широкий арсенал методов – от экологического образования населения до научных разработок природоохранных проблем и их практического внедрения. *Правозащитные организации* видят свою главную цель в изменении самих принципов отношений между гражданами и государством, подчинение их власти закона. Для реализации этой цели правозащитные организации прибегают к использованию различных средств, не ограничиваясь в своей деятельности собственно правовой сферой; нередко они выступают инициаторами мер по активизации различных гражданских инициатив и развитию самоорганизации граждан.

Очень важную роль в современном российском обществе играют *социокультурные ассоциации* – церковь, независимые СМИ, научные и творческие союзы, образовательные, воспитательные, культурно-досуговые учреждения и т. п. За последнее десятилетие в стране восстановлены и введены в действие десятки тысяч церквей, мечетей, синагог, дацанов, молельных домов, монастырей; созданы сотни телекомпаний и печатных изданий; возникли многочисленные негосударственные школы и институты. Хотя, конечно, пока преждевременно говорить о «религиозном возрождении» России или о серьезном вкладе новых российских СМИ в дело общественно-политического просвещения людей, их объективного информирования о важнейших внутригосударственных и международных событиях, общественного контроля за властью.

Проведенный диссертантом анализ позволил ему сделать вывод о том, что в течение последнего десятилетия России удалось существенно продвинуться по пути строительства гражданского общества. За сравнительно короткий по историческим меркам промежуток времени в стране возникли и достаточно громко заявили о себе большинство институтов (ассоциаций), входящих в структуру современного гражданского общества. Сам факт их появления свидетельствует о значительном (хотя и далеко еще не полностью востребованном) потенциале гражданственности, накопленном в ходе многовековой эволюции российского социума и который ему удалось сохранить даже в крайне неблагоприятных политических обстоятельствах. Однако сложившееся к настоящему времени в России гражданское общество имеет *переходный* характер, обусловленный взаимоналожением различных этапов исторической эволюции его самой развитой, современной формы.

В сущности, России приходится сегодня параллельно решать сразу три группы задач: создавать адекватный гражданскому обществу экономический фундамент; строить демократическое правовое государство; формировать инфраструктуру «новой социальности». Переходный характер формирующегося в России гражданского общества существенно усиливает этническая, конфессиональная неоднородность страны, а также большие различия в уровнях социально-экономического и культурного развития ее регионов. Характерной чертой российского гражданского общества является высокий уровень его конфликтности. Негативно влияют на общую атмосферу гражданского общества чрезмерная амбициозность лидеров ряда общественных организаций, их неготовность выработать скоординированную программу действий даже со своими союзниками и избежать тем самым ненужной обществу фрагментации.

Гражданское общество в России отличается противоречивым сочетанием политизированности и аполитичности, что является закономерным следствием (и подтверждением) его переходного характера. Политизированность обусловлена стремлением гражданского общества демократизировать сферу властных отношений, заставить власть жить по закону. Политизированность гражданского общества усиливают неотлаженность механизмов согласования групповых интересов, имущественная дифференциация, отсутствие массового среднего класса и интегрирующей общество «национальной идеи». В этих условиях политизацию ряда неправительственных организаций (шовинистов, религиозных фундаменталистов) трудно назвать положительной, а их самих – причислить к подлинно гражданским структурам. Абсолютизация рядом неправительственных организаций политических аспектов своей деятельности часто оборачивается недооценкой других, не менее важных аспектов – организационных, правовых, социальных.

Вместе с тем, многие структуры гражданского общества занимают либо подчеркнуто лояльную позицию по отношению к действующему политическому режиму, либо вовсе дистанцируются от политики. Это вовсе не свидетельствует об их беспомощности или незначительности влияния на облик и перспективы гражданского общества. Специфика переходного общества как раз и проявляется в том, что в нем одновременно заявляют о себе гражданские структуры различных типов, генезис которых связан с разными историческими этапами становления современного гражданского общества. Многочисленные социальные и социокультурные неправительственные организации, появившиеся в России в последнее десятилетие, являют собой пример гражданских структур его третьего, самого развитого, этапа. Эти низовые гражданские инициативы – наиболее важный индикатор нарождающегося гражданского общества, и если большинство из них в настоящее время действуют разобщенно, то это вовсе не исключает установления более плотных сетей взаимодействия между ними в будущем.

Специфика гражданского общества в России заключается в том, что его становление происходит в условиях продолжающейся *политической*

трансформации. Поскольку политическая и экономическая элиты не изъявляют особой готовности стимулировать становление гражданского общества, а средний класс не может это сделать вследствие своей малочисленности, основная тяжесть в этом плане падает на плечи «базового» и «нижнего» (т. е. наиболее многочисленных) социальных слоев. Красноречивым свидетельством их активности является тот факт, что в России в настоящее время активно действуют десятки тысяч общественных организаций (большей частью – низового характера), причем созданы эти организации не по указке властей, а как раз вполне рядовыми гражданами.

Сам факт, что в «лидерах» среди институциональных структур гражданского общества в России оказались организации, в основном и определяющие его облик в развитых странах, не должен вводить в заблуждение относительно степени его зрелости. Конечно, гражданское общество в современной России находится пока еще только в начале долгого и наверняка непростого пути. Вряд ли ему удастся в короткие сроки преодолеть свой переходный характер. Очевидно, что по мере преодоления экономического кризиса, укрепления институтов и механизмов социальной защиты населения, реформирования судебной системы и повышения функциональности политических институтов будет меняться и облик самого гражданского общества. Пока же этого не произошло, оно будет «прорастать» прежде всего там, где для этого есть соответствующие возможности – т. е. оставаться в значительной степени совокупностью структур и форм ассоциативности «малого социума» – «групп самопомощи», различного рода «клубов по интересам», соседских «комьюнити», «дружеских кругов», национально-культурных автономий, молодежных, благотворительных, ветеранских, религиозных организаций, общественных приемных политических партий и движений, целевых гражданских инициатив и т. д.

Другим, не менее важным, проявлением влияния трансформационного процесса на процесс становления гражданского общества следует назвать особую роль *государства*, точнее, его высшего политического руководства и высшего слоя бюрократии. Именно от их позиции, как показывает практика, в огромной степени зависит качество формирующегося гражданского общества, а также его дальнейшие перспективы. Именно государство создает правовые и институциональные предпосылки гражданского общества – и особенно велика его роль в этом плане именно в условиях трансформации. Много будет зависеть от готовности государства к конструктивному сотрудничеству с гражданским обществом, к оказанию ему конкретной помощи. Важно подчеркнуть главное: мир «малого социума» вряд ли сдаст уже завоеванные позиции, а государству нет никакого смысла пытаться обратить вспять естественный процесс возрождения гражданского общества – для этого просто нет сколько-нибудь серьезных причин. Остается, следовательно, одно – договариваться о «зонах ответственности», находить компромиссы и двигаться к цивилизованному партнерству.

В **заключении** подводятся основные итоги диссертации и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 196 с.
2. Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций. / Под ред. Когана Л. Н. Екатеринбург: КДМ, УрГУ, 1993. – 122 с. (В соавторстве с Б. Б. Багировым, Л. В. Гениным, В. Г. Поповым).
3. Политическая культура: российский вариант. Челябинск, 1991. – 21 с.
4. Советская федерация или «межэтническая коллективизация»? // Политика и культура: Сб. науч. тр. Екатеринбург, УрГУ, 1990. С. 37–54.
5. Гражданское общество // Бурханов Р. А., Коган Л. Н., Руденкин В. Н. Очерки политической теории. Нижневарт. пед. ин-та, 1994. С. 107–132.
6. Бюрократия в системе властных отношений // Бурханов Р. А., Коган Л. Н., Руденкин В. Н. Очерки политической теории. Нижневарт. пед. ин-та, 1994. С. 83–106.
7. Традиция правового нигилизма в русской политической культуре // Культура и традиции: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р. А. Бурханов, В. И. Полищук. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневарт. пед. ин-та, 1995. С. 145–157.
8. Лоббизм как политический институт // Бурханов Р. А., Коган Л. Н., Руденкин В. Н. Основы политологии: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневарт. пед. ин-та, 1997. С. 97–104.
9. Гражданское общество // Бурханов Р. А., Коган Л. Н., Руденкин В. Н. Основы политологии: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневарт. пед. ин-та, 1997. С. 119–126.
10. Политико-культурные и правовые предпосылки функционирования системы социального партнерства // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. Часть 1. Екатеринбург, 1999. С. 114–122.
11. Георг Вильгельм Фридрих Гегель о гражданском обществе // Вопросы философии и истории философии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О. В. Никулина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневарт. пед. ин-та, 1999. С. 59–65.
12. Социальное партнерство в России и за рубежом: политико-правовые проблемы // Вестник Гуманитарного университета: Серия «Право»: Научный альманах / Редкол.: С. С. Алексеев (глав. ред.), С. И. Архипов, В. А. Брызгалов и др. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. № 1 (2). С. 185–193. (В соавторстве с Н. М. Саликовой).
13. Б. Н. Чичерин о путях установления свободы в обществе // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений: В 3-х ч. Ч. III. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 269–274.

14. Об опыте коммунального самоуправления в ФРГ // Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития. Екатеринбург, 2001. С. 12–18.

15. Индивидуализация как способ развития личности // Развитие личности: проблемы, поиски, решения / Под ред. А. В. Меренкова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 25–39.

16. Единство общественных и личных интересов как основа нравственного развития личности // IV Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» (4–8 мая 1984 г.). Вып. III. К. Маркс и современность: философия, социология, идеология. (Тезисы к конференции). М., 1984. С. 81–82.

17. Роль культуры в становлении индивидуальности личности // IV Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» (4–8 мая 1984 г.). Вып. VII. Философия, политика, культура. (Тезисы к конференции). М., 1984. С. 107–109.

18. Роль трудового коллектива в формировании индивидуальности молодого рабочего // Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции «XXVI съезд КПСС, июньский (1983 г.), последующие Пленумы ЦК КПСС и актуальные проблемы формирования достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства». 27–28 марта 1984 г. Секция I. Роль трудовых коллективов в формировании достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства. М., 1984. С. 28–29.

19. Влияние коллективного характера труда на развитие индивидуальности работника // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах. Тезисы научно-практической конференции. Пермь, 1984. С. 102–103.

20. Формирование индивидуальности советского рабочего // V Уральские социологические чтения. Вып. 2. Уфа, 1984. С. 147–149.

21. Роль образования в становлении индивидуальности личности // Научно-технический прогресс и социальные проблемы трудового коллектива. (Тезисы докладов). Свердловск, 1985. С. 118–119. (В соавторстве с С. Б. Орловым).

22. Человек в системе общественных отношений развитого социализма // Вопросы философии. 1985. № 7. С. 143–144. (В соавторстве с И. В. Коняхиной, С. Г. Чаплыгиной).

23. Культура как фактор ускорения социально-экономического развития страны // XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы развития социалистической культуры. Тюмень, 1986. С. 40–41.

24. Духовная культура социалистического общества // Методика проблемного обучения. Методические указания для преподавателей вузов. Вып. IV. Горький, 1986. С. 60–70. (В соавторстве с Л. Н. Коганом).

25. Молодежь и культура // Духовный мир современного человека (Тезисы выступлений участников VII Всесоюзных философских чтений молодых

ученых «Человек в современном мире: социально-философские проблемы. Москва, Серебряный Бор, 16–20 мая 1987 г.). М., 1987. С. 19–21.

26. Индивидуальная трудовая деятельность как одна из форм социалистической организации труда // VII Уральские социологические чтения. Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии. Тезисы докладов. Т. I. Ижевск, 1989. С. 23–25.

27. Демократия, рынок и политическая культура // Культура и рынок. Тезисы докладов Международного симпозиума в г. Екатеринбурге 27–30 мая 1994 года. Екатеринбург, 1994. С. 268–270.